

Э.Д.Фролов

**Профессор Дмитрий Павлович
Каллистов (1904-1973).**

Штрихи к портрету

В книге «Русская наука об античности», вышедшей первым изданием в 1999 г., мною были опубликованы очерки об ученых и преподавателях, созданной в 1934 году, новой кафедры Истории древней Греции и Рима в Ленинградском университете: С.И. Ковалеве, С.Я. Лурье, А.И. Доватуре и К.М. Колобовой. Этой публикацией мною была отдана дань уважения наставникам моего поколения. Однако ряд был не полным, и среди тех, кто остался за его пределами был профессор Дмитрий Павлович Каллистов. Он, как, впрочем, и С.Я. Лурье, не был моим наставником в собственном смысле слова, но знакомство с ним состоялось у меня очень рано, еще в годы обучения в аспирантуре (1955-1958). Должен признать, что дружба с этим человеком стала существенной вехой на моем жизненном пути. Он оказал большое влияние на развитие моих интересов и взглядов, не только на науку, но и на жизнь вообще. Теперь, в сорокалетнюю годовщину его смерти, с большим опозданием я хочу почтить память Дмитрия Павловича Каллистова и посвятить ему специальный очерк. Это будет не полное жизнеописание, а своеобразный биографический эскиз, материалами для которого послужат главным образом мои собственные воспоминания¹.

Как я уже сказал, мое знакомство с Д.П. Каллистовым состоялось еще в аспирантские годы. Я был еще очень молод, и в людях меня привлекало все инаковое, неординарное, не традиционное. С этих позиций личность Д.П. Каллистова очень меня занимала, и судьба предоставила мне случай узнать его ближе. В какой-то момент я должен был прочитать одну или две пробные лекции по курсу античной истории для студентов. Кафедральное руководство (по-видимому, ставшая к тому времени заведующей кафедрой профессор К.М. Колобова) назначило мне прочитать эти лекции группе филологов-классиков, где курс по римской истории читал Д.П. Каллистов. Была выбрана тема для моих лекций – борьба Мария и Суллы, диктатура Суллы. В назначенный день я явился на филологический факультет и Д.П. (так

¹ Печатных материалов о Д.П. Каллистове, практически нет. Единственное исключение, насколько я знаю, – некролог, подписанный А.И. Доватуром, в «Вестнике древней истории» за 1973 г., № 4.

для краткости я буду теперь его называть) повел меня в аудиторию. Занятия должны были проходить в подвальном этаже филфака, имеющим весьма неординарную планировку, где некоторые аудитории не имели отдельных выходов и представляли собой смежные помещения. Именно в такую аудиторию и привел меня Д.П. В проходной комнате читала лекцию какая-то пожилая дама, и мы должны были пройти за ее спиной в аудиторию, где сидела группа филологов-классиков. Когда мы проходили позади женщины, читавшей свою лекцию, Д.П. вдруг толкнул меня локтем в бок и прошептал: «Посмотрите на ее голову». Я взглянул, но ничего не заметил. Тогда он вновь наклонился к моему уху и выразился более конкретно: «У нее же лысина». В тот момент это ехидное замечание старшего коллеги позволило мне расслабиться и снять напряжение перед первой лекцией, но именно тогда же, мне впервые приоткрылась сущность этого человека, зоркого, насмешливого и беспощадного. С этого времени я стал внимательно присматриваться к нему, и должен признаться, что его натура, такая своеобразная и, я бы даже сказал, многогранная странным образом все больше притягивала меня. От Д.П. исходило своеобразное обаяние, обстоятельство, которое отмечали многие люди, сталкивавшиеся с ним.

Д.П. Каллистов родился в Варшаве 5 января 1904 года. О своем отце он никогда не говорил, но судя по фамилии и некоторым другим данным, возможно, его отец принадлежал к священническому сословию. Среднее образование Д.П. получил в Варшаве, где обучался в русской классической гимназии. Его гуманитарная подготовка была безупречной. Какое-то время он прожил также в Вене, где, очевидно, приобрел прекрасное знание немецкого языка. Затем он переехал в Ленинград, и продолжил свое образование на факультете общественных наук (1921-1924), а затем на отделении права (1926-1927) в Ленинградском государственном университете.

Занятия юриспруденцией оказали значительное влияние на формирование Каллистова, как гуманитаря. Он усвоил логику юридического анализа, приобрел навыки публичного оратора. Его характеру импонировали хитросплетения правовой культуры, и он не раз говорил мне, что предпочел бы карьеру адвоката деятельности ученого-антиковеда. Я вспоминаю в этой связи характерный эпизод, в котором Д.П. сыграл любимую им роль адвоката. Как-то в 60-х годах в Ленинграде проходила научная конференция посвященная проблеме полиса. Среди выступавших были признанные специалисты по этой части К.М. Колобова и Е.М. Штаерман; каждая на свой лад славословила соответственно греческий полис и римскую цивитас. Они выступили в первой части заседания, а вторую должен был открыть доклад Каллистова о полисе в античном Причерноморье. Ученые дамы чем-то его раздражили, в перерыве он выпил в буфете коньяку и, когда настал его черед выступать, начал свой

доклад такой тирадой: «Мы слушали здесь доклады о полисе и цивитас. А я хочу спросить, а был ли полис вообще?», и дальше он остроумно обосновывал фиктивный характер той политической организации, которую модно стало именовать полисом. Нечего и говорить, что его выступление вызвало бурю возмущения среди специалистов.

Ровная жизнь в Ленинграде была прервана неожиданной катастрофой: на рубеже 1927-1928 гг. Каллистов был арестован и сослан в Соловки. Поводом к судебному преследованию послужило его участие в деятельности нелегального сообщества – так называемой «Космической академии наук». Вовлеченные в эту организацию молодые люди делали доклады на политические темы и гадали о том, кто будет следующим самодержцем в России. Д.П. Каллистов был осужден на пять лет заключения в концлагере. Такая же кара постигла и его друга, будущего академика-слависта Дмитрия Сергеевича Лихачева. Д.П. пробыл на Соловках не долго, скоро ему удалось перебраться на материк и устроиться на работу в отделение Волгобалта. Там он приобрел профессию водителя, чем безмерно гордился. «Я совершенно не боюсь потерять работу, – любил говаривать Д.П., – у меня в руках всегда будет заработок. А вот Вы, мой дорогой, – обращался он ко мне, – случись с Вами подобная неприятность, оказались бы в беспомощном состоянии. Я же всегда сумею устроиться, так как умею водить машину».

О пребывании в ГУЛАГе Д.П. рассказывал не без юмора. В этом он был похож на своего друга и тоже сидельца А.И. Доватура, который в своих рассказах о заключении, акцентировал внимание не столько на ужасах, сколько на забавных случаях и различных курьезах лагерной жизни. Касаясь жестокого обращения начальства с заключенными, Д.П. упоминал о таком, например, случае. Какого-то заключенного за леность в работе раздели догола, поставили на пень на съедение комарам и велели громко возглашать: «Я филоно, сам филоно и других подбиваю филонить».

Д.П. не без гордости показывал мне справку, выданную ему при освобождении в 1933 году. Там значилось, что он отбыл срок заключения в 5 лет по обвинению в монархизме. «Видите, – говорил он, – как мне повезло: когда в 30-е годы стали хватать людей за причастность к левому или правому уклону, у меня было алиби. Я не имел ничего общего ни с одним уклоном, поскольку у меня было заверенное начальством свидетельство, что я – монархист».

После освобождения, в середине 30-х годов, Д.П. возвращается к научным занятиям. Важной вехой в его жизни стало поступление в аспирантуру Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Годы аспирантуры (1934-1937) были временем формирования Д.П. как ученого-антиковеда. Его наставником в ГАИМК стал виднейший российский ученый академик Сергей Александрович Жебелев. В те годы С.А. Жебелев много за-

нимался историей античных городов Северного Причерноморья, и на эту же область научных занятий он ориентировал своих аспирантов Д.П. Каллистова и К.М. Колобову. Под руководством С.А. Жебелева Д.П. подготовил и в 1938 г. защитил свою кандидатскую диссертацию «Рим и Боспор от Митридата до Нерона». Исследовательскую работу по теме античного Причерноморья, и прежде всего по теме Боспорского царства, Д.П. с успехом продолжал и в дальнейшем. В 1948 г. он защитил докторскую диссертацию «Боспор Киммерийский (Опыт исследования по истории Северного Причерноморья и Боспора эпохи Археанактидов и первых Спартокидов)». Материалы этих диссертаций были использованы Каллистовым при составлении большой книги «Очерки Северного Причерноморья античной эпохи», изданной в 1949 г. Эта книга была заметным явлением в отечественной историографии античного Причерноморья и заслужила высокую оценку специалистов. Сошлюсь по этому поводу на мнение моего старинного друга, видного археолога и историка Я.В. Доманского.

Между тем началось стремительное восхождение Д.П. Каллистова по академической лестнице. С 1936 года он начал преподавать в Ленинградском университете, и уже в 1938 г. был утвержден в должности доцента Исторического факультета. Таким образом, он рано примкнул к группе создателей новой кафедры истории древней Греции и Рима. Одновременно с 1938 года он стал сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. С этих пор его деятельность была связана с двумя важнейшими учреждениями гуманитарного профиля, с Историческим факультетом университета и Институту истории Академии наук. Далее мы подробно остановимся на этих двух разделах ученой деятельности Д.П. Каллистова.

В Ленинградском университете Д.П. скоро снискал славу блестящего лектора. Он читал курсы античной истории (преимущественно истории Рима) как на историческом факультете, так и на филологическом. Его лекции пользовались исключительным успехом, и нередко заканчивались овацией. На кафедре же античной истории у него сложились непростые отношения с коллегами: тогдашний заведующий кафедрой профессор С.И. Ковалев благоволил к нему, но К.М. Колобова терпеть его не могла. Д.П. Каллистов платил ей той же монетой, и их отношения временами достигали драматического накала. Возможно, корни этой вражды надо искать еще в то время, когда они были аспирантами ГАИМК, и, под руководством С.А. Жебелева оба занимались историей Причерноморья, что могло породить естественное соперничество. К.М. Колобова, становясь руководителем факультета (1950 г.) и кафедры (1958 г.) дважды изгоняла Д.П. Каллистова с факультета. Один раз это произошло совершенно неожиданно для него: он вернулся из летнего отпуска и направился в бухгалтерию получить зарплату за последние дни августа,

но в кассе ему заявили, что он больше не работает в университете. Об истинной причине обоюдной неприязни Колобовой и Каллистова, мы можем только строить догадки, но сам факт этой неприязни никогда не был тайной. При этом Каллистов сам провоцировал Колобову на враждебные выходки, чему я не раз становился свидетелем. На заседаниях кафедры Д.П. демонстративно засыпал во время выступлений Колобовой, но когда она, стараясь подловить его, неожиданно обращалась к нему с просьбой высказать свое мнение, он всегда умудрялся просыпаться и с толком отвечать на заданный вопрос. Мне было интересно, как он умудряется делать это, и он всерьез объяснял мне, что спать надо осторожно, а отвечая на вопрос начинать с повтора последних слов вопрошающего.

А вот иллюстрация другого приема, которым пользовался Д.П. в борьбе с Колобовой. Та была увлекающимся человеком, и однажды под впечатлением какого-то доклада по научному атеизму, предложила учредить настоящий семинар по этой теме на нашей кафедре и проводить его заседания ежемесячно. Я был тогда начинающим преподавателем, у меня была большая педагогическая нагрузка, и я с жаром запротестовал против подобного нововведения. Каково же было мое удивление и возмущение, когда Д.П. поддержал Колобову и предложил собирать семинар не раз в месяц, а каждые две недели. Когда мы шли после заседания кафедры по Менделеевской линии, я стал упрекать Д.П. за то, что он поддержал неожиданным образом Колобову, на что он мне, смеясь, сказал: «Это старый прием. Когда вы слышите нелепое предложение энтузиаста, предложите еще большее, и тот непременно сникнет. И вообще не принимайте близко к сердцу никаких нововведений. Как говорил один мой знакомый, во всем надо принимать поправку на бардак». Так оно и произошло, и Колобова в дальнейшем ни разу не возвращалась к теме атеистического семинара.

Но дело не ограничивалось такими мелочами, и Каллистов нашел повод сполна отомстить Колобовой за изгнание его из университета. В 1951 г. Колобова издала большую монографию «Из истории раннегреческого общества (остров Родос IX-VII вв. до н.э.)» – работу в высшей степени серьезную и обстоятельную, сыгравшую большую роль в разработке генезиса греческого полиса. Но в работе был ряд ссылок на Н.Я. Марра, которого К.М. Колобова очень чтит. Между тем, еще раньше была опубликована брошюра И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой Марр и его последователи были подвергнуты жесткой критике. Каллистов воспользовался ситуацией и организовал в университете обсуждение книги Колобовой. Последняя была обвинена в марризме и подвергнута примерному наказанию: ее книга была признана порочной, с нее взыскали обратно только что присужденную университетскую премию, и ей был объявлен строгий выговор по партийной

линии. Д.П. никогда не раскаивался в содеянном, наоборот, он гордился тем, какой удар нанес он своему противнику. Таковы были нравы в научном мире в те блаженные послевоенные годы.

Я хорошо помню, как сильно мы все, ученики К.М. Колобовой, были возмущены ее преследованием и как горячо сочувствовали ей ввиду того, что она стала жертвой хорошо спланированной интриги. Но судьба, которая управляет нашей жизнью, зачастую не объяснима и даже иррациональна в своих проявлениях, и хотя мне было хорошо известно о роли Д.П. в разгроме книги К.М. Колобовой, а моя личная позиция в этом вопросе всецело была на стороне Ксении Михайловны, тем не менее, с годами я все более сближался с Каллистовым. Тут действовало какое-то необъяснимое обаяние, какие-то особые флюиды, которое излучал этот человек. Мне все более нравились, его остроумие и меткость суждений по поводу как собственно научных, так и общественных вопросов. А когда, по окончании аспирантуры в 1958 году я был зачислен в штат кафедры, между нами и вовсе произошло решительное сближение. Я начал работать, состоя на полставки ассистента. Зарплата была небольшая, и я обратился к Д.П. с просьбой подыскать мне какой-нибудь литературный заработок. Как и многие другие мои ровесники, я наивно верил в возможность заработать что-либо литературным трудом. Д.П. сообщил мне, что идет работа над большим изданием по истории Академии наук, и что он может порекомендовать меня в качестве автора какого-либо историографического очерка научному редактору этого издания, профессору Анатолию Васильевичу Предтеченскому, известному специалисту по истории общественной мысли в России. Я с радостью согласился, и это стало поворотным пунктом в моих научно-литературных занятиях. А.В. Предтеченский пригласил меня к себе домой, и мы договорились, что я напишу два очерка об академическом антиковедении и византистике для второго тома «Истории Академии наук СССР». Том охватывал период с 1800 до 1917 г., то есть время формирования и расцвета русской гуманитарной науки. Встречи и беседы с Предтеченским открыли мне новые горизонты в истории науки. Так, когда я представил ему очерк об академическом антиковедении, где, под влиянием А.И. Доватура, упор был сделан на историко-филологическом направлении в лице Ф.Ф. Соколова и его школы, Предтеченский сказал с изумлением: «Я сам учился в университете в последние блестящие годы его существования, но я и слыхом не слыхивал о Соколове или его школе. Кумиром моего поколения был Фаддей Францевич Зелинский, о котором Вы упомянули только вскользь». Вообще А.В. Предтеченский произвел на меня сильное впечатление. Оно было поддержано отзывами о нем А.И. Доватура и Д.П. Каллистова, которым я рассказывал о своих занятиях под руководством А.В. Предтеченского. Оба всячески одобряли эти мои занятия, а А.И. Доватур подчер-

кнул, что гуманитару в России необходимо, так или иначе, связывать свою научную деятельность с русской культурой, поскольку занятия другими областями, например, наукой об античности, слишком не надежны. С этих пор параллельно с собственно античной историей, я всегда занимался историей русской науки об античности, и таким образом историография стала вторым руслом моих научных занятий.

Участие в работе над вторым томом «Истории Академии наук СССР» не принесло мне никакого материального выигрыша, но зато я познакомился с А.В. Предтеченским и укрепил свои связи с Д.П. Каллистовым и А.И. Доватуром. С этими двумя мои отношения, в конце концов, переросли в крепкую дружбу, к вкратце неудовольствию К.М. Колобовой, которая время от времени с недоумением спрашивала меня, чего такого я нашел в Каллистова, и предупреждала об опасности слишком тесного сближения с ним. Эти предупреждения не оказывали на меня никакого воздействия, и в 60-е годы я не только стал непременным участником дружеских встреч и бесед на квартире Д.П., но и сделался его сотрудником при подготовке некоторых коллективных работ, о которых я еще скажу ниже.

Переходя к рассказу о деятельности Д.П. Каллистова и Институте истории, деятельности непрерывной и плодотворной, необходимо, прежде всего указать на его огромную заслугу в развитии антиковедных занятий в этом академическом учреждении. Опираясь на поддержку академика В.В. Струве, Д.П. стал организатором в ЛОИИ особого сектора античной истории. Поскольку заглавным профилем этого института была отечественная история, а также в соответствии с собственным научным интересом, Д.П. ориентировал работу этого сектора на исследование истории и культуры античных центров Северного Причерноморья (официальное название сектора было «Группа по изучению истории древнейших государств на территории СССР»). В 60-х годах в составе этого сектора, помимо Д.П. Каллистова и В.В. Струве, работали И.А. Шишова и А.А. Нейхардт. Первая была воспитанницей нашей кафедры, где под руководством К.М. Колобовой занималась экономической историей древней Греции, вторая была археологом и специально занималась античным Причерноморьем. Позднее в состав сектора вошла другая питомица нашей кафедры, моя бывшая дипломантка И.В. Куклина. Но самым ценным приобретением для сектора стало вхождение в него А.И. Доватура, виднейшего филолога-классика, долгое время возглавлявшего кафедру классической филологии в университете. Когда, несмотря на свои заслуги, Доватур подпал под сокращение в Университете, в виду преклонного своего возраста, Д.П. сумел получить для него место научного сотрудника в своем секторе. Впрочем, судьба этого сектора была печальной. Он процветал пока был жив Д.П. Каллистов, когда же он умер, а затем ушел из жизни и Доватур нача-

лось постепенное сокращение штатного состава этой группы. Ушли на пенсию Нейхардт и Шишова, отъехала за границу Куклина, и хотя группа пополнилась новым членом, филологом-классиком А.К. Гавриловым, ее существование носило чисто номинальный характер.

Возвращаясь к Д.П., отметим его бурную деятельность в качестве организатора научной работы. За время, пока он осуществлял руководство сектором, был подготовлен и издан ряд первоклассных коллективных трудов: полезное собрание статей по древнегреческой истории «Древняя Греция» (1956), переиздание, в сильно переработанном виде, университетского курса В.С. Сергеева «История древней Греции» (1963), фундаментальное собрание эпиграфических материалов «Корпус Боспорских надписей» (1965), коллективная монография «Рабство на периферии античного мира» (1968, в академической серии «Исследования по истории рабства в античном мире»), а также вышедшее уже после смерти Д.П. добротное издание свидетельств Геродота о Скифии и Северном Причерноморье под несколько причудливым заголовком «Народы нашей страны в «Истории» Геродота», с греческим текстом, переводом, обширными комментариями и статьями (1982).

В дополнение к этому перечню скажу несколько слов о еще двух изданиях, затеянных Д.П. вне академической деятельности, в которых я сам принимал участие. Первое – это обширная и, на мой взгляд, хорошо составленная «Хрестоматия по истории древней Греции», опубликованная издательством «Мысль» в 1964 г. Д.П. был организатором этого издания. Он «пробил» заказ и подобрал группу сотрудников, но к тексту книги, несмотря на свой титул ответственного редактора, не имел практически никакого отношения. Работа по редактированию была выполнена известным ленинградским антиковедом Марком Наумовичем Ботвинником, при котором в помощниках состоял я. Впрочем, у меня были и собственные участки работы: я был составителем раздела по архаической Греции и переводчиком ряда античных текстов в других разделах (например, трактата Ксенофонта «О доходах» и др.). Участие в подготовке «Хрестоматии» было для меня очень полезным. Я приобщился к редакторской работе, близко познакомился с М.Н. Ботвинником и его семейством, с интересом вслушивался в новые для меня суждения о моих учителях К.М. Колобовой и А.И. Доватуре и, конечно же, о Д.П. Каллистова, которого М.Н. Ботвинник определенно не любил.

Второе издание – монументальная коллективная монография о кризисе греческого полиса, подготовленная международным коллективом авторов под руководством члена Академии наук Германской демократической республики Элизабет-Шарлотты Вельскопф (*Hellenische Poleis: Krise-Wandlung-Wirkung / Hrsg. von E.Ch. Welskopf. Bd. I-IV. Berlin, 1974*). Вельскопф была видным ученым (ей принадлежит монография о явлении досуга в античном

мире), но еще большую известность она приобрела как автор приключенческих романов о борьбе североамериканских индейцев с белыми колонистами. По этим книгам кинематографистами ГДР было снято несколько фильмов, где в главной роли индейского вождя снялся знаменитый югославский актер Гойко Митич. Летом 1970 года Вельскопф побывала в Ленинграде, и Д.П., познакомившийся с ней еще, ранее, во время своей поездки в Германию в 1968 г., представил меня ей. Я тогда трудился над своей докторской диссертацией по истории младшей тирании у греков. Вельскопф заинтересовала эта тема, и она пригласила меня принять участие в подготовлявшейся ею к изданию коллективной монографии о кризисе полиса. Так с подачи Д.П. я стал участником крупнейшего международного предприятия, в рамках которого на немецком языке была опубликована вся моя диссертация о греческой тирании. Нет нужды говорить о том, как я был благодарен Д.П. за его содействие.

Но был еще один человек, которому я должен здесь выразить благодарность. Это был прикомандированный к нашей кафедре немецкий студент, а затем аспирант Бернд Функ. Прекрасно образованный, интеллигентный, предельно общительный, к тому же превосходно овладевший русским языком, Б. Функ великолепно вписался в нашу компанию и стал другом не только моим, но и Д.П. Каллистова и А.И. Доватура. С конца 60-х годов он был постоянным участником как наших ученых встреч, заседаний в университете и в Институте истории, так и наших застолий дома – у меня или у Д.П. Каллистова, а также совместных походов в кафе. Функ по натуре своей был эпикурейцем, любил хорошо поесть и выпить, ценил неспешные застольные беседы и мог засидеться в хорошей компании далеко за полночь. Но при всей видимой склонности к сибаритству, Б. Функ обладал железной внутренней дисциплиной и, когда было необходимо, умел активно и плодотворно трудиться. Благодаря этому он не только вел собственную научную работу (темой его занятий был город в составе державы Селевкидов), но и успевал существенно помогать нам, своим русским коллегам, переводя наши работы на немецкий язык и, таким образом, подготавливая их публикацию на Западе. Так, в частности, была переведена им и моя работа для издания Вельскопф.

Поистине, говаривал Д.П., Функ стал для нас новым окном в Европу. Но для самого Функа тесная связь с советской наукой обернулась позднее большими неприятностями. По окончании аспирантуры Функ вернулся в Германию и стал работать в Центральном институте древней истории Академии наук ГДР. Объединение Германии и упразднение ГДР со всеми ее институтами стали для Функа, как и для многих других немецких специалистов, получивших или завершивших образование в СССР, настоящей катастрофой. После долгих мытарств он устроился на работу в престижный западноберлинский Свободный университет. Но новая власть в Восточной Германии не

оставляла его в покое, силясь доказать, что он был агентом тайной полиции ГДР. Вокруг него плелись интриги, и, в конце концов, измученный ими, он умер от сердечного приступа. Я был в то время на стажировке в Германии и смог проводить своего ученика и коллегу в его последний путь на русское православное кладбище в Берлине.

Вернемся, однако, к главной теме нашего повествования – к деятельности Д.П. Каллистова. Сказанного выше о научных проектах, которые были осуществлены под руководством Д.П. достаточно, чтобы судить о том, каким выдающимся организатором он был. Затеянные им предприятия на многие годы составили содержание научной деятельности античного сектора ЛОИИ. При этом в каждом из таких предприятий (за вычетом разве что «Хрестоматии по истории древней Греции») имелась всегда более или менее значительная доля его непосредственного личного участия.

Особняком стоит последняя крупная работа Д.П., выполненная им за пределами ЛОИИ. Я имею ввиду опубликованную им в 1970 г. научно-популярную книгу «Античный театр». Из научного наследия Д.П. эта книга, судя по упоминаниям в интернете, пользуется особым успехом. Она и в самом деле достаточно содержательна и полезна особенно для тех, кто начинает всерьез знакомиться с античной культурой. С выходом в свет этой книги связано забавное происшествие, которое может служить иллюстрацией к суждению о характере Д.П. Сразу после выхода в свет «античного Театра», я и мой старый школьный товарищ, известный специалист по истории театра Марк Николаевич Любомудров, написали и опубликовали в журнале «Театр» обширную рецензию, где со всем пылом молодости пощипали автора книги. Д.П. был задет этой рецензией и спустя некоторое время, когда я занимался в библиотеке ЛОИИ положил передо мной на стол свежий номер журнала «Новый мир» со словами: «Вот как надо писать рецензии!». В журнале была напечатана чрезвычайно хвалебная рецензия на его «Античный театр», подписанная «Академик Д.С. Лихачев». Зная близость Каллистова и Лихачева, я не удивился бы, если бы оказалось, что рецензия была написана самим автором книги.

Упоминания о дружбе Д.П. Каллистова с Д.С. Лихачевым подводит нас к более общей теме взаимоотношений Д.П. с окружавшими его людьми. Эти отношения не были равными или лучше сказать равными. К тем, кому он симпатизировал, Д.П. относился дружелюбно. Так, долгая дружба связывала его с Д.С. Лихачевым, А.И. Доватуром, В.Ф. Гайдукевичем, а в Москве с С.Л. Утченко. Дружба с этими людьми в одних случаях опиралась на сходство пережитого, как это было в случае с Лихачевым и Доватуром, в других – на сходстве характеров, как это было с Гайдукевичем и Утченко. Оба последних несомненно импонировали Каллистову живостью характера и остроумием, которым сам Д.П. отличался с лихвою. Он и в самом деле ради красно-

го и едкого словца мог не пощадить даже близкого человека, не говоря уже о постороннем. В этой связи я вспоминаю примеры его острословия из выступлений, в качестве оппонента при защите диссертаций. Один пример связан с защитой кандидатской диссертации Киры Сергеевны Мусиенко, женщиной добросовестной, но лишенной чувства юмора. Тема диссертации – оппозиция в армии Филиппа и Александра – была дана ей когда-то С.И. Ковалевым. Во вступительном слове, касаясь убийства Филиппа его бывшим фаворитом Павсанием, диссертантка с порога отвергла версию древних авторов о том, что Павсаний мстил Филиппу за отказ наказать его обидчиков, учинивших над ним, по пьяному делу, гнусное насилие. Диссертантка сочла подобную версию смехотворной и предложила более «серьезные» варианты, например, подкуп Павсания персами. Каллистов на это едко пошутил: «Вы считаете, что насилие, учиненное пьяными над Павсанием, – пустяк, но поставьте себя на его место ...». Забавной была реакция членов Ученого совета: они, включая председателя совета В.В. Мавродина, мирно дремали. Реплику Каллистова услышал и оценил только С.Б. Окунь, который громко расхохотался. Тогда проснулись остальные и, узнав причину бурного веселья их коллеги, так же разразились хохотом. Впрочем, это не повлияло на положительную оценку диссертации, которая была вполне серьезной научной работой.

Другой пример – выступление Д.П. по диссертации которую защищал другой питомец кафедры Владимир Владимирович Лапин. Диссертация была написана на тему из истории античного Причерноморья. По ходу дела диссертант касался происхождения слова «Пантикапей» и поддерживал популярное объяснение этого слова, будто бы сложенного из двух корней: панти – от греческого *pas* – весь, а капей – также от греческого *keros* – сад, что в целом давало «весь в садах». Д.П. высмеял эту этимологию, и сказал: «Это все равно как если бы я произвел название немецкого города Карлсруэ от личного имени “Карл” и популярного русского глагола».

Эти шутки, хулиганский характер которых очевиден, не имели для их автора никаких последствий. Но так было не всегда. В последние годы жизни Д.П., увлекаемый, как он сам говорил, собственным языком, стал все чаще донимать шутками такого рода своих коллег – сотрудниц античного сектора ЛОИИ. Доставалось и Шишовой, и Нейхардт, и Куклиной и, в конце концов, после одного язвительного выступления Д.П. на заседании Ученого совета института их терпению пришел конец. Они подвергли своего заведующего форменной обструкции, перестали с ним разговаривать и вообще обращать на него внимание. Это было в ту пору, когда Д.П. тяжело заболел: у него обнаружили опухоль мозга, и возможно его выходки по адресу собственных коллег были следствием утраты контроля над своим поведением и своими словами. Он умер 2 марта 1973 г.

В последние годы жизни у Д.П. были трудности с деньгами, и он искал дополнительный заработок. Между тем, только что открылся новый университет в Сыктывкаре, и наше университетское начальство, державшее шефство над этим университетом, искало для него лекторов, в частности по истории Древнего мира. Я рассказал об этом Каллистову. Он заинтересовался и через меня передал свое согласие поехать в столицу КОМИ АССР на месяц-другой для чтения лекций. Когда он умер, мне пришлось, чтобы не нарушать договоренности, самому поехать в Сыктывкар читать курс по истории Древнего мира. Но это уже совсем другая история.

Но мне не хотелось бы заканчивать воспоминания о Д.П. Каллистова на грустной ноте. Память возвращает меня к тем отрадным воспоминаниям, которые относятся к рубежу 60-70 годов прошлого века. Это было хорошее время, когда, пользуясь выражением Александра Дюма, «свободы было меньше, а независимости больше». Два важных момента определяли в ту пору сравнительно независимый характер нашей жизни: легкость транспортного сообщения и более или менее сносная материальная обеспеченность.

Вся наша небольшая компания обитала в ту пору в историческом центре Ленинграда недалеко друг от друга: Доватур жил в коммунальной квартире на Гривцовом (Демидовом) переулке, я с женой – тоже в коммуналке в начале улицы Дзержинского (Гороховая), Бернт Функ – в студенческом общежитии на Мытне, за Биржевым мостом, а Каллистов на Чкловском проспекте, рядом с Большой Зелениной. Отдельная квартира была только у Каллистова, и это, в сочетании с гостеприимством хозяина сделало его дом естественным центром наших встреч. Каждые два-три дня мы с женой отправлялись вечером к Д.П. Обычно он просил нас купить по дороге хлеба или булку. Мы, как правило, добавляли к этому сыр, вино, а иногда пирожные. Квартира Д.П. была очень уютной: большая кухня и три комнаты, из которых две смежные были столовой и кабинетом. Мы собирались сначала в кабинете, где, кстати, помещалась личная библиотека Д.П., сравнительно небольшая, но очень хорошо подобранная. В ней были книги не только по античности, но и по русской истории (в том числе, например, редкие издания книг Шильдера о русских самодержцах). Затем переходили в столовую, где по бокам большого стола стояли старинные стулья с высокими спинками, которые наверху были украшены резными мордочками каких-то диковинных животных. Застолье было скромным. По сути дела это был чай без особых излишеств. Главным содержанием застолья была беседа, которую непринужденно направлял хозяин дома. Разговоры всегда были очень оживленными и затрагивали самые разные сюжеты: воспоминания о ГУЛАГе, которым естественно предавались Каллистов и Доватур, анекдоты об известных личностях и конечно же научные темы.

За столом, Д.П. любил подтрунивать над своими собеседниками. Ему вообще была свойственна полушутливая-полусерьезная манера обращения к людям, которых он хорошо знал. Так, однажды, вспоминая о сопротивлении юнкеров красногвардейцам, он стал сурово вопрошать Доватура: «Я был во время революции еще подростком, но Вы, Аристид Иванович, были уже вполне взрослым молодым человеком. Почему же, Вы, дворянин и сын царского полковника, не приняли участия в борьбе с красными? Почему Вы не погибли в 1918 году под Харьковом?». На что Доватур, видимо смущаясь, серьезно отвечал: «Но, Вы же знаете, Дмитрий Павлович, что я с детства страдал близорукостью и плоскостопием, а потому и не был военнообязанным».

Время от времени к нашему сообществу присоединялись другие знакомые лица, например старинная приятельница Д.П., видный детский врач Евгения Александровна Локоткина. Женщина острого ума, большого обаяния и исключительно начитанная, которая нередко переводила беседу в область литературы, поводом к чему могла быть публикация нового произведения в каком-нибудь «толстом» журнале, в «Новом мире» или в «Иностранной литературе», которыми тогда зачитывалась вся наша интеллигенция. Эти встречи наилучшим образом скрашивали ту рутинную обстановку, в которой мы жили, и можно только пожалеть, что они прекратились со смертью Д.П. Впрочем, помимо домашних встреч важны были и другие формы общения. И, в частности, телефонные разговоры, большим любителем которых был Д.П. Он имел обыкновение звонить по утрам, что меня нередко раздражало, поскольку я в ту пору был, что называется, утренним человеком и утро посвящал своим научным занятиям. Д.П., в конце концов, признал мое право на спокойную работу; он стал звонить на прямую моей жене и отводил душу в насмешках на мой счет, комментируя мое раздражение цитатой из поэта екатерининской поры Василия Петрова:

Султан ярится! ада дщери,
В нем фурии раздули гнев...
И над сералию комета
Беды на часть полночну света
Трясет со пламенна хвоста!

Иногда, Д.П. все-таки добирался до меня, и тогда с воодушевлением начинал обсуждать какую-либо научную или политическую новость, не очень заботясь о моем времени, «фуриях» и «гневе». Однако телефонные разговоры, хотя и были почти ежедневными, не могли заменить личного общения. Тем более, что была одна очень интересная подробность в наших отношениях – Д.П. любил читать, а я слушать чтение его многолетних записок. Многие годы он вел дневник. Толстые тетради были испещрены заметками о людях, событиях или встречах и при случае, он любил цитировать близким лю-

дям эти свои записи. Таких тетрадей к концу жизни у него было больше десятка, к сожалению, после его смерти эти материалы разбрелись по разным рукам, и, в конце концов, затерялись.

Что можно сказать в конце об этом человеке? Бесспорно, это была неординарная личность, наделенная талантом ученого и общественного деятеля. Вместе с тем в его характере были какие-то изъяны, которые толкали его временами на необоснованные обострения в отношениях с окружавшими его людьми. Возможно, причиной тому были тяжкие испытания, выпавшие на его долю в молодые годы. Но, с другой стороны, такие же испытания пришлось выдержать и близким друзьям Каллистова Д.С. Лихачеву и А.И. Доватуру, однако же в их характере и поведении таких изъянов не наблюдалось. Так или иначе, этот человек сам был виноват в том, что память о нем быстро стерлась. Я убежден в несправедливости такого поворота и был бы рад, если бы настоящий очерк послужил к исправлению этого положения².

² В заключение я хочу поблагодарить заведующую Санкт-Петербургского архива РАН, доктора исторических наук Ирину Владимировну Тункину, за доставленные ею сведения о жизни и деятельности Д.П.Каллистова